

УДК821.161.1

Иванова Л.Е.*Московский государственный областной университет***«В ДУШЕ МОСКВА И КРЕМЛЬ ЗОЛОТОГЛАВЫЙ»: ОБРАЗ МОСКВЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ А.Н. МАЙКОВА**

Аннотация. Статья посвящена малоисследованной в творчестве А.Н. Майкова проблеме. В статье анализируется образ Москвы, воплощённый А.Н. Майковым в поэзии и прозаических «Рассказах о русской истории». Поэт видит в Москве оплот православной веры, колыбель России, считает её символом русской истории. Ключевыми в раскрытии образа Москвы являются понятия «золотые купола», Кремль. Значение Москвы для Майкова раскрывается на художественном материале, приводятся также письма поэта, свидетельствующие о его отношении к первопрестольной.

Ключевые слова: поэзия, художественный образ, Москва, Майков, Кремль.

L. Ivanova*Moscow State Regional University***THE IMAGE OF MOSCOW IN THE OEUVRE OF A. MAIKOV**

Abstract. In the article, the image of Moscow described by A. Maikov in poetry and prose «The stories of Russian history» has been analyzed. The poet considers Moscow to be a stronghold of the Orthodox faith, a cradle of Russia, a symbol of Russian history. The key concepts in uncovering the image of Moscow are «golden domes» and the Kremlin. The value of Moscow for Maikov is revealed in his texts by means of artistic expression. In the article, the poet's letters showing his relation to the ancient capital are also cited. The article is devoted to the insufficiently explored problem in the oeuvre of A. Maikov.

Keywords: Poetry, poetic image, Moscow, Maikov, Kremlin.

А.Н. Майков, почти всю жизнь проживший в Санкт-Петербурге, родился в Москве и считал её родным городом. С первопрестольной поэта связывало многое: воспоминания детства, предки, родственники, друзья, близкие по мировоззрению люди. Н.В. Володина в книге о роде Майковых отмечает особое значение города для семьи: «Внутренне Майковы тяготели к Москве, хотя в силу бытовых и семейных обстоятельств им постоянно приходилось покидать её. Москва была им близка своим патриархальным, домашним укладом. <...> Москва с её церквями, монастырями, милыми, почти провинциальными домиками олицетворяла для них отечество <...>, была наиболее полным воплощением национальной сути, национальной идеи» [1, с. 336, 337]. Близка была поэту и особая атмосфера, царящая в древней столице России.

Живая вера, золотые купола московских храмов были дороги Майкову, в них он обретал духовную опору. Поэт признавался: «В одну из самых тяжёлых для меня эпох, в Крымскую войну 1853–1855 годов, я бросился из Петербурга в Москву, чтобы почувствовать под собою почву, найти для себя оправдание и сочувствие хотя бы только у стен кремлевских, у этих золотых куполов соборов, под сенью которых я родился» [6, с. 694–695]. Москва для Майкова – это прежде всего колыбель российской истории, город, с которого началась Святая Русь, духовный оплот России.

Москва ассоциировалась у поэта прежде всего с Кремлём. Начиная прозаические «Рассказы из русской истории», Майков писал: «Кто бывал в Москве, тот уж, конечно, первым делом считал пойти в московский Кремль, помолиться в соборах Успенском и Архангельском на гробах прежних великих князей и царей русских, и приложиться к мощам святых чудотворцев московских митрополитов Петра, Алексея, Ионы и Филиппа» [8, IV с. 302].

Впервые образ первопрестольной возникает в юношеском стихотворении Майкова «Воробьёвы горы» (1839), которое открывается панорамой Москвы. В стихотворении высказано то понимание Москвы как святого города, сердца православной державы, которое не изменится в течение всего творческого пути Майкова. Здесь также представлены образы, которые будут доминантами при описании первопрестольной в лирике поэта: «золотые купола», старинный Кремль – алтарь России.

Истории возвышения Москвы и собиранию вокруг неё русских земель

посвящены первая глава прозаических «Рассказов из русской истории» и стихотворение 1865 года «Карамзину».

А.Ф. Тютчева, сравнивая обе столицы, писала в дневнике: «Москва – это город прошлого, не того мрачного прошлого, которое на каждом шагу бросает вам в лицо своё *memento mori* и показывает свой уродливый лик, но того прошлого, которое любит и благословляет, как ласковая улыбающаяся бабушка, которое внушает радость и надежду на будущее. <...> Следы <...> прошлого так живы в Москве, что оно в некотором отношении господствует над настоящим и окутывает его своею сенью. Здесь на каждом шагу чувствуется связь, соединяющая могучей спайкой единой веры современные поколения с поколениями прошлыми» [12, с. 264, 194].

Хранителем прошлого для Майкова был Кремль, способный рассказать пытливому взгляду историю не только города, но и страны. Под сводами древних соборов душу охватывает благоговение. Характерно, что для Майкова как человека глубоко верующего, интересна не столько политическая, сколько духовная история русского народа. Именно поэтому в стихотворении «Карамзину» наряду с образом Ивана I Калиты возникает образ святителя Петра, перенесшего в XIV веке из Владимира в Москву кафедру митрополита «Всея Руси». В рассказах о русской истории для детей и народа Майков приводит наказ митрополита Ивану Калите: «Изо всех князей только ты, Иван Данилович, нрава твёрдого и ума великого. Принимайся с Богом за собирание земли под одну руку твою. <...> И устройся так, чтоб у тебя народу было жить хорошо,

и народ отовсюду к тебе потянет. А я в Москве поселюсь и в ней свой престол митрополичий поставлю. <...> Построй <...> во имя Успения Пресвятой Богородицы соборный храм и пророчу тебе, что если ты меня послушаешь, то и сам прославишься с родом твоим больше других князей, и город твой прославится надо всеми русскими городами; святители после меня будут жить в нём; руки его взыдут на плечи врагов его и Бог прославится в нём» [8, IV с. 302, 303].

По завету митрополита был заложен Успенский собор Кремля. Святитель Пётр скончался 21 декабря 1326 года, не дождавшись окончания строительства, но гроб его, поставленный в Успенском соборе, действительно стал краеугольным камнем величия Москвы.

*Святителя завет исполнился
великий!*

*Помалу собралась вокруг белого
Кремля,*

*Как под надёжный щит вся
Русская земля,*

*И каждый град её свою здесь
церковь ставил.*

И высилась Москва! <...>

*И со священного Афона глас
пророчий,*

*Призвав святую Русь для до-
блестной борьбы,*

*Востока древнего ей передал
судьбы [8, II, с. 212–213].*

Таким образом, Москва – оплот веры, духовная наследница Византии. И в Кремле, сердце первопрестольной, поэт по-прежнему ощущает силу святых молитв как усопших предков, так и современников:

*Вхожу ли в старый Кремль, от-
куда глаз привольно*

Покоится на всей Москве перво-

престольной,

*В соборы ль древние с гробница-
ми царей,*

*Первосвятителей; когда кругом
читаю*

*На дсках их имена, и возле них
внимаю*

*Молитвы шёпоту притекших к
ним людей, –*

*А там иконостас, и пресвятые
лики,*

*И место царское, и патриарший
трон;*

*А между тем гудит, гудит Иван
Великий,*

*Как бы из глубины веков идущий
звон [8, II с. 212].*

Трепетное отношение Майкова к Кремлю связано и с генетической памятью поэта. У истоков рода стоит Андрей Фёдорович Майко, дьяк великих московских князей Василия II и Ивана III и, возможно, брат великого святого XV века преподобного Нила Сорского. Известно, что к XVII веку Майковы жили в Китай-городе. Исследовательница жизни и творчества преподобного Нила Сорского Е.В. Романенко предполагает, «что в XV столетии семья государева дьяка размещалась в Кремле, ведь дьяк всегда должен быть под рукой для исполнения огромного числа всевозможных поручений» [9, с. 24–25]. Андрей Майко прослужил дьяком почти 50 лет. За долгую и верную службу после смерти он получил особую благодарность: «Имя дьяка Андрея Майко было вписано в синодик Успенского собора Московского Кремля с тем, чтобы его род поминался за Божественной литургией главного собора Русской земли, «пока вселенский мир стоит» [10, с. 277].

Не раз в поэзии обращается Майков к пожару Москвы 1812 года. Исто-

рическое событие было лично важным для поэта. В письме О.Ф. Миллеру от 3 ноября 1871 года поэт вспоминает рассказы о своём дед по материнской линии, купце Гусятникове, слышанные в детстве. Накануне вступления французов в Москву дед со всем своим домом, семьей, приказчиками выехал из Москвы. «Уже за Окой или на высоком берегу оной вдруг увидали они московское зарево – весь поезд остановился, всё взвыло; один дед стоял посреди повалившейся и вопившей толпы, высокий, худой, с длинными седыми волосами, обнажил голову и вдохновенно повторял: «Гори, гори, матушка! и будешь ты ему гробом!» Кто-то ему сказал: «А дом-то, а лавки-то (у него было 7 лавок, он потерял почти все состояние), ничего ведь не вывезли, не припрятали!» – «Всё гори! всё гори! – вдохновенно повторял старик, смотревший на зрелище с непокрытой головой. – Чего вы вопите? молитесь и Бога благодарите» [4, с. 179].

Впервые в поэзии к пожару Москвы Майков обращается в стихотворении 1839 года «Воробьёвы горы». Это событие в юношеском произведении не получает должного осмысления. В стихотворении «Сказание о 1812 годе» (1876) также воспроизведена лишь внешняя картина неоправдавшихся надежд Наполеона: море пламени, объявшее Москву, рассеяло все надежды полководца.

Философское осмысление пожар Москвы получает в позднем стихотворении «Жуковскому» 1883 года. Майков, как и многие его современники, чтит великого поэта. Майкову дорог был завет Жуковского. Когда П.А. Плетнёв познакомил русского балладника с поэзией начинающего

стихотворца, тот писал ему: «Скажите от меня Майкову, что он со своим прекрасным талантом может начать разряд новых русских талантов, служащих высшей правде, а не материальной чувственности; пускай он<...> напитается историей и знанием природы, а более всего знанием Руси, той Руси, которую нам создала её история, – Руси богатой будущим, <...> Руси самодержавной, Руси христианской, и пускай, скопив это сокровище знаний, это сокровище материалов для поэзии, пускай проникнет свою душу святынею христианства» [цит. по: 2, с. 15].

В стихотворении историческая оценка пожара Москвы вложена в уста Жуковского. По мнению Майкова, подвиг, совершённый русским народом в дни бедствия, практически уподобляется Святой Жертве Христа, пострадавшего на голгофском Кресте за грехи всего мира. Вновь, как и в древние времена, когда необъятные просторы России, страдания русских людей избавили Европу от татаро-монгольского нашествия, Отчизна в 1812 году избавила мир от Наполеона.

Москва во многом была поэту ближе, чем чиновничий Петербург. В сентябре 1857 года он признавался в письме Я.П. Полонскому: «Я, возвратясь из Гатчины, съездил в Москву. Есть ощутительная разница между тамошним и здешним литературным людом. Там более заняты внутренним содержанием. <...> В Петербурге слышишь только цифры, а отсутствие эстетических рассуждений крайне ощутительно для меня» [3, с. 96].

В 1867 году Майков адресовал М.Н. Каткову послание, в котором высказалась вся его любовь к Москве:

*Мы – москвичи! Что делать,
милый друг!*

Кинь нас судьба на север или на юг –

*У нас везде, со всей своею славой,
В душе – Москва и Кремль золо-
тоглавый;*

*В нас заповедь великая жива,
И вера в нас досель не извелась,
На коих древле создалась Москва
И чрез неё – Россия создастся [8,
II, с. 185].*

Е.Н. Поселянин в статье о поэте писал: «В русской истории Майков преимущественно видел Москву. Он не мог представить себе русской народности иначе как под осенением Москвы, и идеи, которыми он жил, были идеи, выработанные Москвой» [9, с. 5]. Майкову, безусловно, близка была теория монаха Филофея «Москва – третий Рим». Именно так названа одна из глав его прозаических «Рассказов из русской истории». Вслед за Тютчевым, которого Майков во взглядах на Россию и её место в мире называл своим учителем, поэт разделял мнение своего друга, высказанное в статье «Россия и революция»: «Прежде всего Россия – христианская держава, а русский народ является христианским не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то ещё более душевному. Он является таковым благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы» [11, III, с. 144].

Мысль о спасительной роли русской земли как хранительнице чистоты православной веры и способности русского народа к жертвенному служению неотрывна от идеи Москвы – третьего Рима, и этот вопрос «особенно

остро зазвучал в русском обществе в связи с событиями Отечественной войны 1812 года» [7, с. 184].

Как в литературных симпатиях, так и в сохранении истинного православного духа, Москва ставилась Майковым выше Петербурга. Сорок сороков московских храмов, оплот духовности Троице–Сергиева лавра, рядом с которой вырос поэт, – всё это говорило о том, что вера сохранена в Москве в истинной полноте более, нежели в официальном, но менее религиозном Петербурге. Возможно, Майков был свидетелем неблагоприятного отношения петербургского света к богослужениям и святыням. Яркие зарисовки веры двора оставила в своих воспоминаниях А.Ф. Тютчева, долгое время служившая фрейлиной при супруге Александра II. Человек глубоко религиозный и воцерковлённый, она со скорбью и негодованием сообщала о том, что на придворных богослужениях невозможно молиться из-за постоянных разговоров и даже смеха. В дневнике от 25 октября 1853 года Анна Фёдоровна записала свои впечатления от таинства крещения великой княжны Марии Александровны: «Совершаются самые священные церковные таинства, и нужно сказать, что члены царской семьи всегда присутствуют на них с видом глубочайшего благоговения, многие из них молятся с искренним благочестием, и все строго соблюдают приличие, внушаемое святостью места. Нельзя того же сказать о придворных: из них каждый, по-видимому, чувствует себя скорее в театре, нежели в церкви. <...> Для всех них церковь является как бы местом светских собраний; считается совершенно ненужным ни молиться, ни

даже держать себя прилично. Болтают, шепчутся, смеются» [12, с. 73].

Майков видит в Москве хранильницу всех древних заветов, так как не раз перед ней стоял выбор: сохранить ли веру предков, оставшись третьим Римом, или изменить ей. Москва устояла во всех испытаниях, уготованных ей непростой историей России. Майков призывает хранить в душе христианские заветы, способные победить не только внешних, но и внутренних врагов:

Храни ж его, отцов завет святой,

Как Ермоген в цепях, в тюрьме сырой, –

И в жизни путь всегда увидишь правый,

И посрамишь всяк умысел лихой,

Всяк вражий ков и всяк соблазн лукавый [8, II, с. 185].

В финале стихотворения «М.Н. Каткову» появляется возвышенный образ патриарха Гермогена, умершего в муках за святую православную веру Христову. Этот образ сразу же переносит читателя в эпоху Смутного времени, когда в Москве повсюду слышались католическое пение и молитвы. В те времена только горячая проповедь и мужество патриарха удержали народ от принятия католицизма. Профессор П.В. Знаменский свидетельствует: «Патриарх взывал к православным о защите отеческой веры и разрешал всех, кто дал присягу королевичу, если тот не крестится. Из Москвы разослана была всюду трогательная грамота, в которой, увещевая города к соединению против общего врага, москвичи выставляли на вид религиозное единство всех русских людей и священное значение Москвы: «Здесь образ Божи-

ей Матери, который святой Лука написал [речь идёт о Владимирской иконе Божией Матери, по преданию написанной евангелистом Лукой с Девы Марии при Её жизни. – Л. И.]; здесь великие светильники и хранители – Пётр, Алексей и Иона чудотворцы – или вам, православным христианам, все это нипочём?» <...> Патриарх стоял во главе всего земского движения; кроме него города не хотели знать никакого другого начальства и посылали к нему все свои отписки о сборе ратных людей» [5, с. 225].

Таким образом, Москва предстаёт в поэзии Майкова колыбелью и символом русской истории, как политической, так и духовной, городом, с которого началась Святая Русь.

Е.Н. Поселянин верно понял значение Москвы для Майкова. В статье «Поэзия веры и А.Н. Майков как поэт Православия и России» он так характеризовал назначение Москвы: «Москва, согласно в лице её вождей и её народа, уверовала в отмеренную ей Богом судьбу. В кровавых усилиях, в невыразимо тяжких испытаниях, ни народ, ни князья ни разу не усомнились ни в великом назначении Москвы, ни в особом осенении Божией властью, чудесно ведущей её к цели. <...> Храня в себе тайну своего призвания, – когда придёт время сказать миру и с силой провести в жизнь забытое миром слово святой евангельской правды – Москва неустанно, неуспынно и сурово совершала своё дело, требуя великих жертв от народа <...> и не отступая перед личную гибелью в борьбе за его счастье. Это земное дело совершалось с думой о вечном, с помощью того Неба, во имя которого жила и растила Москва Русское царство. Вот эту

веру и нравственную силу самосознющей себя и таинственные цели свои Москвы, этот святой и торжественный путь Москвы <...> и понял Майков, и преклонился перед этим» [9, с. 6].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Володина Н.В. Майковы. – СПб.: Наука, 2003. – 344 с.
2. Данилов В.В. К характеристике литературной деятельности А.Н. Майкова. – Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1907. – 42 с.
3. Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1875 год. – Л.: Наука, 1977. – 288 с.
4. Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 г. – Л.: Наука, 1980. – 288 с.
5. Знаменский П.В. История русской церкви. – М., 2000. – 474 с.
6. Исторический вестник. – 1888. – № 6. – С. 694–695.
7. Киселёва И.А. Роль событий войны 1812 года в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX века: к вопросу о патриотизме Лермонтова // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». № 4. 2012. Режим доступа: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/246>.
8. Майков А.Н. Полное собрание сочинений: В 4 т. / Под ред. П.В. Быкова. – СПб.: Маркс, 1914. Т. I. – 318 с.; Т. II. – 224 с.; Т. III. – 287 с.; Т. IV. – 368 с.
9. Поселянин Е.Н. Поэзия веры и А.Н. Майков как поэт Православия и России. – М., 1898. – 10 с.
10. Романенко Е.В. Преподобный Нил Сорский. – М.: М–Сканрус, Кирилло-Белозерский монастырь, 2008. – 368 с.
11. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: В 6 т. Т. 3. – М.: Издательский Центр «Классика», 2003. – 528 с.
12. Тютчева А.Ф. Воспоминания. – М.: Захаров, 2000. – 416 с.